

Виктория Дэшвуд

2434
YOUR TIME
YOUR LIFE
YOUR CLASS

THE
ELITE
LIVE
ABOVE
100

THIRD CLASS
SURVIVAL
IS A CRIME.

SECOND CLASS
QUINCY
PAC
OBEY

THIS IS A
DISCRETE
EMERGENCY

24-34

18+

Виктория Дэшвуд

24-34

<https://litres.ru/74209852>

SelfPub; 2026

Аннотация

2434 год. Слабые и нищие, богатые и сильные стали жить в разных мирах. Кто-то с самого рождения не будет ни в чём нуждаться, а иные окажутся ограничены законами и рамками, данными им при рождении. Небоскрёбы в сотни этажей, у которых не было видно конца, были построены вплотную друг к другу, оставляя относительно небольшие улочки между ними. Здания раскинулись на многие километры вокруг, словно лесные дебри, которые не давали увидеть лучей солнца и просветов неба, открывая взору лишь холодные, серые тона.

Всех людей делили на три класса. Те, кто жил в небоскрёбах выше сотого этажа, — элита, которая никогда не выходила из своих домов. Второй класс — рабочие, которые то и делают, что с утра до вечера на полях и фермах пытаются кормить семьи и исправно платить дань. Третий класс — самый нищий. Отбросы, которые живут на улице или крышах небоскрёбов, рискуя изо дня в день ради выживания. Мир, в котором грань между жизнью и смертью для некоторых почти неощутима. Есть ли в таком мире любовь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8

Виктория Дэшвуд

24-34

Глава 1

Осень 2434 года Запись в дневнике 1

Сегодня на пересечении Голубого Титана и Алты, пробираясь мимо вечно-сырых бетонных стен небоскрёбов среднего класса, пропахших рекой Макати, я прислушался к журчанию воды. Обширное русло на западе города Декант, благодаря которому жизнь всё ещё существует, здесь, между домами трущоб. Сейчас река – не больше чем ручей под решёткой ливневок, который тянется далеко на восток от Голубого Титана. Прислушавшись к когда-то великим отголоскам природы, невольно уходишь в себя.

Моё внимание после нескольких минут раздумий под изморосью привлёк чёрный потрёпанный рюкзак, лежавший в выемке под старым, спрятанным за стальной решёткой окном на одну секцию. В нём я нашёл кое-что занятное и на удивление редкое – старую, практически пустую записную книжку. Надпись на первой странице гласила: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём».

Запись в дневнике 2

Преодолевая районы среднего класса, я двигаюсь по реке. По обе стороны от меня – бетонный лес, а сильные порывы ветра создают бесконечно переплетающиеся улицы. Отсутствие солнца и вечная сырость больше напоминает глубины океана, в которых люди, подобно удильщикам, ведут непрекращающуюся охоту. Главная добыча – еда. Она гнала людей с самого их зарождения выживать. Но вот власть – она помогла эволюционировать. Как жаль.

С каждым днём, продвигаясь на запад района Алты, медя ведет только одно, и это не власть. О нет, только не она. Передо мной стоит более примитивная, но, к сожалению, от этого не более простая задача – пережить зиму. Выжить.

С каждым днём, приближаясь всё ближе к Колыбели – так называли последние зелёные земли, на которых всё ещё можно выращивать пищу, – я встречал всё меньше таких, как я, и всё больше таких, как они. Это означало только одно – я на верном пути. Они, или же средние, были простыми людьми, у которых, как ни странно, цели совпали с моими. Все хотели жить. К сожалению, нас объединяло только это. Такие, как я, или же низшие, падшие, отбросы – позор для всех, кто наверху, но, к сожалению, нас не спросили.

Запись в дневнике 3

Чтобы достичь цели, мне пришлось отказаться от размеренной прогулки — стать осторожнее, незаметнее, тише. Всему виной — Гончие. Наёмная охрана, заменившая полицейские патрули, задача которых — защищать «сокровища»

Колыбели от воров. Попасться им — смерть. Жизнь третьего класса ничего не стоит, и если смерть — это плата за безоблачное существование Элиты, её без колебаний внесут, уж я-то знаю.

К великому огорчению верхов, выживание толкает на поиск обходных путей. Гончие никогда не рискнут ступить на эти тропы — им не дано по праву рождения.

Холодный бетон разбавляет старая ржавая сталь. Балки, торчащие из мокрых панелей, вбитые железные колья, обломанная пожарная лестница — путь вверх. Рождённые внизу всегда ищут способ подняться, наш был таким. Только жители трущоб, обмотав руки грубой тканью, смогут преодолеть это испытание. Только натренированные мышцы и дикая воля к жизни позволят пройти путь от земли до площадки на пятом этаже. Здесь нас встретит мир, которого не должно быть — один из торговых постов северо-восточных трущоб Сурнион.

Это место родилось из четырёх площадок на пятом этаже соседних небоскрёбов. Их соединяли доски на широких пролётах и выступы для прыжков на узких. Внутренняя торговля между обитателями трущоб стала возможной благодаря хитрой конструкции зданий. Каждые пять-десять этажей встречается пустой этаж, в центре которого — лишь лифтовые шахты, скрытые за серыми каменными панелями. По задумке строителей, пустоты должны были гасить свист ветра в улочках и ослаблять дрожь домов.

Здесь, вне глаз Гончих, текла совсем иная жизнь. На здешних рынках меняли одежду, оружие, экипировку и, конечно, еду. Она была главной валютой и товаром одновременно. Мешок лука — и ты в тёплой куртке, спасающей от ветра и дождя. Тут же собирали грибы, ловили крыс, варили вонючие похлёбки из птицы и капустных листьев. Около двух десятков людей всегда крутилось здесь.

Проходя мимо прилавков, я заметил двоих детей — они прижались к колоннам, пытаясь укрыться от мелкого дождя, который ветер загонял внутрь. На них было намотано несколько слоёв разношёрстного тряпья, а голодные, усталые глаза шарили по прохожим. Охота. Для детей воровство — почти единственный способ выжить. Запасы за плечами не тянули, я поспешил выбраться из этой толпы и двинулся дальше.

Глава 2

Запись в дневнике №4

Постепенно продвигаясь по пустым этажам, можно заметить, как горизонт стал чище. Вдалеке виднеются зелёные очертания полей Колыбели. Начало темнеть. Мне следовало найти безопасное место для отдыха, но моё внимание привлёк шорох с соседнего здания. Присмотревшись – ничего не увидел.

Но я точно знал, что за мной кто-то следит. На самом деле было практически неважно, что он от меня хочет и какие мотивы преследует. Важно было только одно – этот кто-то был со мной здесь, и то, что он пытался скрыть своё присутствие, не делало ему чести. Все эти размышления вынудили меня запустить руку в карман и провести пальцами по дайверскому ножу, плотно прикреплённому к бедру. Эта привычка вырабатывалась у меня долгие годы, именно она и спасала мне жизнь.

Я стоял неподвижно и смотрел на лужу, которая собралась в бетонной выбоине прямо около моих ног. Слушал каждый шорох, но вокруг, казалось, не было никого, лишь моё отражение пристально всматривалось в самые глубокие части моей души. Это был словно незнакомец, копия, и всё, что нас с ним связывало – тёмно-русые волосы, больше похожие на солому, густые брови им в цвет, прямой нос, тонкие гу-

бы и раскосые серые глаза, которые цветом были словно под стать всему, что меня окружало.

Пройдя ещё немного, я заметил 17-й этаж – именно через него на южной окраине Алты, на границе с Эссен, проложили железную дорогу. Она соединяет юг и Колыбель с сердцем Деканта – Калиссой. При постройке под рельсами оставили место для доступа, если нужен ремонт. Такая конструкция дала почти идеальное укрытие. От постоянных поездов рельсы греются, а значит, там тепло. Это и станет моей следующей целью.

Во время подъёма поднялся крепкий ветер. Цепляясь за очередной выступ на уровне 14-го этажа, я понял, что устал сильнее, чем мог себе позволить. Ветер трепал куртку, сбил капюшон. Защитные очки сползли, начали давить на веки. Держась одной рукой за старый, трухлявый край балки, я стянул их на шею. Ржавый металл больно впивался в кожу, ветер швырял пыль в глаза. Ближайшая точка опоры требовала рывка. Нашупав ногой более-менее крепкий выступ и оттолкнувшись, я ухватился за крюк, на котором висели провода. Руки совсем не слушались. Куски ткани, некогда защищавшие мне руки, остались позади на острой, словно зубы, стали. Под ногтями выступила кровь. Времени почти не осталось.

Наверху уже виднелась железная пристройка, где иногда чинили пути. Собрав последние силы, я полез дальше, стараясь не думать, как острые ржавые крюки разрезают ладони.

Когда осталось только подтянуться, я вдруг осознал – мне не хватит сил. Перекинув рюкзак на платформу и не желая мириться со своей судьбой, я попытался подтянуться, и вдруг чья-то рука схватила меня под локоть и выдернула из пропасти.

Запись в дневнике №5

Вылетев на платформу, я быстро вскочил на ноги. Глаза ничего не видели в темноте. Очки, висевшие на шее, подпрыгивали на грудной клетке в такт биению сердца. Окровавленные ладони сжались в кулаки, свирепые серые глаза метались из стороны в сторону, пытаясь найти очертание хоть какого-то силуэта.

На другом краю платформы я заметил чью-то фигуру. Она неподвижно смотрела на меня, выглядывая из-за колонны.

— Зачем? – прокричал я.

Вдруг вспыхнула молния, мгновенно осветившая всё вокруг. На мгновение я увидел её лицо. Заострённые черты лица, прямой нос, большие глаза, которые обрамляли светлые ресницы. Свет молнии исчез. Исчез также, как и она. Раздался раскат грома. Я снова остался один.

Простояв какое-то время, я двинулся вперёд. В трёх метрах от меня лежала моя открытая сумка. Еда на месте, ничего не пропало. Оглядываясь по сторонам, я двинулся вглубь дома, прямо в укрытие.

Едва удавалось встать в полный рост. Пригнувшись, я направился дальше под красный свет маячков. Я был здесь

один, не считая той, кто мне помогла. Что ей было нужно? Мы не помогаем друг другу. Отдать свои запасы голодающему, а через неделю умереть с голоду. Такова цена помощи в нашей реальности.

Усталость накрывала с новой силой. Спрятавшись в нише между спутанной проводкой, я провалился в сон. Перед глазами были лица детей там, в Сурнионе. Маленькие, оголодавшие, они смотрели мне в глаза. В небесном цвете их глаз я увидел себя — помнил себя в этом возрасте. Маленький, оголодавший, слабый. В их глазах я увидел мать в моём возрасте — больную, истощённую, но сильную. Они моргнули — и всё исчезло. Вдруг ребёнок указал на надпись, которая пряталась за ними: «И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу всей земли.»

Запись в дневнике №6

Из сна меня выдернул оглушительный рев, исходивший от проезжающего поезда в метре над моей головой. Вокруг было всё так же темно. Мои израненные руки безжалостно болели. Множественные порезы словно горели, кожа пульсировала. Уже успевшие образоваться корки при каждом движении рвались, принося новые волны боли.

Трясущимися руками, достав из-за спины сумку, я начал проверять свои запасы — их осталось не так уж много. Всего лишь десяток корнеплодов редиса отделял меня от голодной смерти. Подавив голод, я вытащил чистые повязки и малень-

кий флакончик спирта. Вымочив тканевые ленты и преодолевая жгучую, невыносимую боль, я обмотал ладони.

В попытке отвлечь внимание от неутихающей боли я вернулся к главному вопросу – еда. В Колыбели мне удастся её найти. Но я не вор, к тому же весь периметр полей и ферм кишит Гончими. Более надёжный способ выживания – работа, которую я там получу. Симбиоз между такими разными, но так нуждающимися друг в друге людьми. Истина кроется в одном – Верхам почти в одинаковой степени всё равно на всех нас. Сотрудничество – эгоистичные попытки оттянуть неумолимо приближающуюся смерть.

Среди среднего класса такой найм считается, конечно же, незаконным. Многие из средних активно порицают любую связь с выходцами из трущоб, но по иронии судьбы в ней нуждаются. Мы все не выбираем свою жизнь, но они, на мой взгляд, куда несчастнее. Не удостоенные даже выбора свободы действий. Находясь под пристальным вниманием Верхов, насильно распределённые по ролям и, что хуже всего, оторванные от своих семей.

Работая на другом конце Деканта, им, конечно же, никто не запрещает видаться и общаться, если бы не одно но.

Здесь, под рельсами, которые тянутся через Алту от южного района — Маврика до Калиссы, пролегает один из путей связи последнего города человечества – Деканта. Однако он не для всех. Хочешь ехать? Плати. Много плати.

Со связью та же история. Во избежание заговоров и сму-

ты – её давно отключили для Средних и, конечно же, нас. Обмен письмами остался единственным способом связи для обычных людей. Чтобы понять, что происходит на северо-западе – придётся отослать письмо и молиться, чтобы ответ не заставил себя долго ждать